

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLÈTES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE DE

V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:

N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, M. KORNEFF,

N. MESTCHERIAKOFF, N. PIKSANOFF,

N. RODIONOFF, M. TSIYVLOVSKY

SANCTIONNÉ PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:

S. LOSOVSKY, A. TOLSTOÏ, A. FADEEFF,

P. TCHAGUINE

PREMIÈRE SÉRIE

O E U V R E S

TOME

12

E D I T I O N D'É T A T

M O S C O U — 1940

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И 224
67

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:

Н. Е. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, М. М. КОРНЕВА,

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА, Н. Е. ПИКСАНОВА,

Н. С. РОДИОНОВА, М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

В СОСТАВЕ: С. А. ЛОЗОВСКОГО, А. Н. ТОЛСТОГО,

А. А. ФАДЕЕВА, П. И. ЧАГИНА.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ

12

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1940

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

41-4782

ВОЙНА И МИР

РЕДАКТОРЫ:
Г. А. ВОЛКОВ
М. А. ЦВЕТОВСКИЙ

В О Й Н А И М И Р

(1863 — 1869, 1873)

Т О М Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

В Петербурге, в высших кругах, с большим жаром чем когда-нибудь шла сложная борьба партий Румянцева, французов, Марии Феодоровны, цесаревича и других, заглушаемая, как всегда, трубением придворных трутней. Но спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отражениями жизни, петербургская жизнь шла по старому; и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ. 10 Те же были выходы, балы, тот же французский театр, те же интересы дворов, те же интересы службы и интриги. Только в самых высших кругах делались усилия для того, чтобы напоминать трудность настоящего положения. Рассказывалось шопотом о том, как противоположно одна другой поступили, в столь трудных обстоятельствах, обе императрицы. Императрица Мария Феодоровна, озабоченная благосостоянием подведомственных ей богоугодных и воспитательных учреждений, сделала распоряжение об отправке всех институтов в Казань, и вещи этих заведений уже были уложены. Императрица же Ели- 20 завета Алексеевна на вопрос о том, какие ей угодно сделать распоряжения, с свойственным ей русским патриотизмом, изволила ответить, что о государственных учреждениях она не может делать распоряжений, так как это касается государя; о том же, что лично зависит от нее, она изволила сказать, что она последняя выедет из Петербурга.

У Анны Павловны 26-го августа, в самый день Бородинского сражения, был вечер, цветком которого должно было быть чтение письма преосвященного, написанного при посылке госу-

дарю образа преподобного угодника Сергия. Письмо это почти-
талось образцом патриотического, духовного красноречия. Проч-
есть его должен был сам князь Василий, славившийся своим
искусством чтения. (Он же читывал и у императрицы.) Искус-
ство чтения считалось в том, чтобы громко, певуче, между от-
чаянным завыванием и нежным ропотом переливать слова со-
вершенно независимо от их значения, так что совершенно слу-
чайно на одно слово попадало завывание, на другие — ропот.
Чтение это, как и все вечера Анны Павловны, имело политиче-
10 ское значение. На этом вечере должно было быть несколько
важных лиц, которых надо было устыдить за их поездки во
французский театр и воодушевить к патриотическому настрое-
нию. Уже довольно много собралось народа, но Анна Павловна
еще не видела в гостинной всех тех, кого нужно было, и потому,
не приступая еще к чтению, заводила общие разговоры.

Новостью дня в этот день в Петербурге была болезнь графини
Безуховой. Графиня несколько дней тому назад неожиданно
заболела, пропустила несколько собраний, которых она была
украшением, и слышно было, что она никого не принимает и что
20 вместо знаменитых петербургских докторов, обыкновенно ле-
чивших ее, она вверилась какому-то итальянскому доктору,
лечившему ее каким-то новым и необыкновенным способом.

Все очень хорошо знали, что болезнь прелестной графини про-
исходила от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей
и что лечение итальянца состояло в устранении этого неудобства;
но в присутствии Анны Павловны не только никто не смел ду-
мать об этом, но как будто никто и не знал этого.

— On dit que la pauvre comtesse est très mal. Le médecin dit
que c'est l'angine pectorale.

30 — L'angine? Oh, c'est une maladie terrible!

— On dit que les rivaux se sont reconciliés grâce à l'angine...¹
Слово *angine* повторялось с большим удовольствием.

— Le vieux comte est touchant à ce qu'on dit. Il a pleuré com-
me un enfant quand le médecin lui a dit que le cas était dange-
reux.

— Oh, ce serait une perte terrible. C'est une femme ravissante.

---

¹ Говорят, что бедная графиня очень плоха. Доктор сказал, что это
грудная ангина.

— Ангина? О, это ужасная болезнь!

40 — Говорят, что соперники примирились, благодаря ангине...

— Vous parlez de la pauvre comtesse, — сказала подходя Анна Павловна. — J'ai envoyé savoir de ses nouvelles. On m'a dit qu'elle allait un peu mieux. Oh, sans doute, c'est la plus charmante femme du monde,¹ — сказала Анна Павловна с улыбкой над своею восторженностью. — Nous appartenons à des camps différents, mais cela ne m'empêche pas de l'estimer, comme elle le mérite. Elle est bien malheureuse,² — прибавила Анна Павловна.

Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка приподнимала завесу тайны над болезнью графини, один неосторожный¹⁰ молодой человек позволил себе выразить удивление тому, что не призваны известные врачи, а лечит графиню шарлатан, который может дать опасные средства.

— Vos informations peuvent être meilleures que les miennes,³ — вдруг ядовито напустилась Анна Павловна на неопытного молодого человека. — Mais je sais de bonne source que ce médecin est un homme très savant et très habile. C'est le médecin intime de la Reine d'Espagne.⁴ — И таким образом уничтожив молодого человека, Анна Павловна обратилась к Билибину, который в другом кружке, подобрав кожу и видимо собираясь²⁰ распустить ее, чтобы сказать un mot,⁵ говорил об австрийцах.

— Je trouve que c'est charmant!⁶ — говорил он про дипломатическую бумагу, при которой отосланы были в Вену Австрийские знамена, взятые Витгенштейном, le héros de Pétro-pol⁷ (как его называли в Петербурге).

— Как, как это? — обратилась к нему Анна Павловна, возбуждая молчание для услышанья mot, которое она уже знала.

---

¹ Старый граф очень трогателен, говорят. Он заплакал как дитя, когда доктор сказал, что случай опасный.

— О, это была бы большая потеря. Такая прелестная женщина,³⁰

— Вы говорите про бедную графиню? Я посылала узнавать о ее здоровье. Мне сказали, что ей немного лучше. О, без сомнения, это прелестнейшая женщина в мире,

² Мы принадлежим к различным лагерям, но это не мешает мне уважать ее по ее заслугам. Она так несчастна,

³ Ваши сведения могут быть вернее моих,

⁴ Но я из хороших источников знаю, что этот доктор очень ученый и искусный человек. Это лейб-медик королевы испанской.

⁵ [остроту,]

⁶ Я нахожу, что это прелестно!

⁷ Героем Петрополя,

И Билибин повторил следующие подлинные слова дипломатической депеши, им составленной:

— L'Empereur renvoie les drapeaux Autrichiens, — сказал Билибин, — drapeaux amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route,¹ — докончил Билибин, распуская кожу.

— Charmant, charmant,² — сказал князь Василий.

— C'est la route de Varsovie peut-être,³ — громко и неожиданно сказал князь Ипполит. Все оглянулись на него, не понимая того, что он хотел сказать этим. Князь Ипполит тоже с веселым удивлением оглядывался вокруг себя. Он так же, как и другие, не понимал того, что значили сказанные им слова. Он во время своей дипломатической карьеры не раз замечал, что таким образом сказанные вдруг слова оказывались очень остроумны, и он на всякий случай сказал эти слова, первые пришедшие ему на язык. «Может выйдет очень хорошо», думал он, «а ежели не выйдет, они там сумеют это устроить». Действительно, в то время как воцарилось неловкое молчание, вошло то недостаточно-патриотическое лицо, которого ждала для обращения Анна Павловна, и она, улыбаясь и погрозив пальцем Ипполиту, пригласила князя Василия к столу, и, поднеся ему две свечи и рукопись, попросила его начать. Все замолкло:

— Всемилостивейший государь император! — строго провозгласил князь Василий и оглянул публику, как будто спрашивая, не имеет ли кто сказать что-нибудь против этого. Но никто ничего не сказал. — «Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа *своего*», — вдруг ударил он на слове *своего*, — «яко мать во объятия усердных сынов своих, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоя держава, поет в восторге: Осанна, благословен грядый!» — Князь Василий плачущим голосом произнес эти последние слова.

Билибин рассматривал внимательно свои ногти и многие видимо робели, как бы спрашивая, в чем же они виноваты? Анна Павловна шопотом повторяла уже вперед, как старушка молитву причастия: «Пусть дерзкий и наглый Голиаф?...» — прошептала она.

Князь Василий продолжал:

---

¹ Император отсылает австрийские знамена, дружеские и заблудшиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги.

² [Прелестно, прелестно,]

³ Это варшавская дорога может быть.

«Пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы; кроткая вера, сия праща Российского Давида, сразит внезапно главу кровожадущей его гордыни. Сей образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болезную, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим вашим лицедействием. Теплые воссылаю к небесам молитвы, да Всесильный возвеличит род правых и исполнит во благих желания вашего величества».

— *Quelle force! Quel style!*¹ — слышались похвалы чтецу¹⁰ и сочинителю. Воодушевленные этой речью, гости Анны Павловны долго еще говорили о положении отечества и делали различные предположения об исходе сражения, которое на днях должно было быть дако.

— *Vous verrez,*² — сказала Анна Павловна, — что завтра, в день рождения государя, мы получим известие. У меня есть хорошее предчувствие.

II.

Предчувствие Анны Павловны действительно оправдалось. На другой день, во время молебствия во дворце по случаю дня рождения государя, князь Волконский был вызван из церкви, и получил конверт от князя Кутузова. Это было донесение Кутузова, писанное в день сражения из Татариновой. Кутузов писал, что русские не отступили ни на шаг, что французы потеряли гораздо более нашего, что он доносит второпях с поля сражения, не успев еще собрать последних сведений. Стало быть, это была победа. И тотчас же, не выходя из храма, была воздана Творцу благодарность за Его помощь и за победу.

Предчувствие Анны Павловны оправдалось, и в городе всё утро царствовало радостно-праздничное настроение духа. Все признавали победу совершенною и некоторые уже говорили о пленении самого Наполеона, о низложении его и избрании новой главы для Франции.

Вдали от дела и среди условий придворной жизни весьма трудно, чтобы события отражались во всей их полноте и силе. Невольно события общие группируются около какого-нибудь

---

¹ Какая сила! Какой слог!

² Вы увидите,

частного случая. Так теперь, главная радость придворных заключалась столько же в том, что мы победили, сколько и в том, что известие об этой победе пришлось именно в день рождения государя. Это было как удавшийся сюрприз. В известии Кутузова сказано было тоже о потерях русских и в числе их названы были Тучков, Багратион, Кутайсов. Также и печальная сторона события невольно в здешнем, петербургском мире, сгруппировалась около одного события — смерти Кутайсова. Его все знали, государь любил его, он был молод и интересен. В этот день все встречались с словами:

— Как удивительно случилось. В самый молебен. А какая потеря Кутайсов! Ах, как жаль!

— Что я вам говорил про Кутузова? — говорил теперь князь Василий с гордостью пророка. — Я говорил всегда, что он один способен победить Наполеона.

Но на другой день не получалось известия из армии, и общий голос стал тревожен. Придворные страдали за страдания неизвестности, в которой находился государь.

— Каково положение государя! — говорили придворные и уже не превозносили как третьего дня, а теперь осуждали Кутузова, бывшего причиной беспокойства государя. Князь Василий в этот день уже не хвастался более своим protégé Кутузовым, а хранил молчание, когда речь заходила о главнокомандующем. Кроме того к вечеру этого дня как будто всё соединилось для того, чтобы повергнуть в тревогу и беспокойство петербургских жителей: присоединилась еще одна страшная новость. Графиня Елена Безухова скорострительно умерла от этой страшной болезни, которую так приятно было выговаривать. Официально в больших обществах все говорили, что графиня Безухова умерла от страшного припадка *angine pectorale*,¹ но в интимных кружках рассказывали подробности о том, как *le médecin intime de la Reine d'Espagne*² предписал Элен небольшие дозы какого-то лекарства, для произведения известного действия; но как Элен, мучимая тем, что старый граф подозревал ее, и тем, что муж, которому она писала (этот несчастный развратный Пьер), не отвечал ей, вдруг приняла огромную дозу выписанного ей лекарства и умерла в мучениях, прежде чем

¹ ангины,

² Лейб-медик королевы испанской

могли подать помощь. Рассказывали, что князь Василий и старый граф взялись было за итальянца; но итальянец показал такие записки от несчастной покойницы, что его тотчас же отпустили.

Общий разговор сосредоточился около трех печальных событий: неизвестности государя, гибели Кутайсова и смерти Элен.

На третий день после донесения Кутузова, в Петербург приехал помещик из Москвы и по всему городу распространилось известие о сдаче Москвы французам. Это было ужасно! Каково было положение государя! Кутузов был изменник, и князь Василий во время *visites de condoléance*,¹ которые ему делали по случаю смерти его дочери, говорил о прежде восхваляемом им Кутузове (ему простительно было в печали забыть то, что он говорил прежде), он говорил, что нельзя было ожидать ничего другого от слепого и развратного старика.

— Я удивляюсь только, как можно было поручить такому человеку судьбу России.

Пока известие это было еще не официально, в нем можно было еще сомневаться, но на другой день пришло от графа Растопчина следующее донесение:

«Адъютант князя Кутузова привез мне письмо, в коем он требует от меня полицейских офицеров, для препровождения армии на Рязанскую дорогу. Он говорит, что с сожалением оставляет Москву. Государь! поступок Кутузова решает жребий столицы и вашей империи. Россия содрогнется, узнав об уступлении города, где сосредоточивается величие России, где прах ваших предков. Я последую за армией. Я всё вывез, мне остается плакать об участи моего отечества».

Получив это донесение, государь послал с князем Волконским следующий рескрипт Кутузову:

«Князь Михаил Иларионович! С 29-го августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем от 1-го сентября получил я через Ярославль, от Московского главнокомандующего, печальное извещение, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело на меня это известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим генерал-адъютанта князя Волконского, дабы

---

¹ визитов соболезнования.

узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах к столь печальной решимости».

III.

Девять дней после оставления Москвы, в Петербург приехал посланный от Кутузова с официальным известием об оставлении Москвы. Посланный этот был француз Мишо, не знавший по-русски, но *quoique étranger, Russe de coeur et d'âme*,¹ как он сам говорил про себя.

Государь тотчас же принял посланного в своем кабинете, во дворце Каменного острова. Мишо, который никогда не видал Москвы до кампании и который не знал по-русски, чувствовал себя всё-таки растроганным, когда он явился пред *notre très gracieux souverain*² (как он писал) с известием о пожаре Москвы, *dont les flammes éclairaient sa route*.³

Хотя источник *chagrin*⁴ г-на Мишо и должен был быть другой, чем тот, из которого вытекало горе русских людей, Мишо имел такое печальное лицо, когда он был введен в кабинет государя, что государь тотчас же спросил у него:

— *M'apportez vous de tristes nouvelles, colonel?*

20 — *Bien tristes, sire*, — отвечал Мишо, со вздохом опуская глаза, — *l'abandon de Moscou*.

— *Aurait on livré mon ancienne capitale sans se battre*,⁵ — вдруг вспыхнув, быстро проговорил государь.

Мишо почтительно передал то, что ему приказано было передать от Кутузова, именно то, что под Москвою драться не было возможности и, что так как оставался один выбор — потерять армию и Москву, или одну Москву, то фельдмаршал должен был выбрать последнее.

Государь выслушал молча, не глядя на Мишо.

30 — *L'ennemi est-il en ville?* — спросил он.

— *Oui, sire, et elle est en cendres à l'heure qu'il est. Je l'ai*

---

¹ впрочем хотя иностранец, но русский в глубине души,

² [наш всемилостивейший повелитель]

³ пламя которой освещало его путь.

⁴ [горе]

⁵ Какие известия привезли вы мне? Дурные, полковник?

— Очень дурные, ваше величество, оставление Москвы.

— Неужели отдали мою древнюю столицу без битвы?

laissée toute en flammes,¹ — решительно сказал Мишо; но взглянув на государя, Мишо ужаснулся тому, что он сделал. Государь тяжело и часто стал дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные голубые глаза мгновенно увлажнились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдруг нахмурился, как бы осуждая самого себя за свою слабость. И, приподняв голову, твердым голосом обратился к Мишо:

— Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive, — сказал он, — que la Providence exige de grands sacrifices de nous... Je suis ¹⁰ prêt à me soumettre à toutes Ses volontés; mais dites moi, Michaud, comment avez-vous laissé l'armée, en voyant ainsi, sans coup férir, abandonner mon ancienne capitale? N'avez-vous pas aperçu du découragement?...²

Увидав успокоение своего très gracieux souverain,³ Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопрос государя, требовавший и прямого ответа, он не успел еще приготовить ответа.

— Sire, me permettez-vous de vous parler franchement en loyal militaire? — сказал он, чтобы выиграть время. ²⁰

— Colonel, je l'exige toujours,⁴ — сказал государь. — Ne me cachez rien, je veux savoir absolument ce qu'il en est.⁵

— Sire! — сказал Мишо с тонкою чуть заметною улыбкой на губах, успев приготовить свой ответ в форме легкого и почтительного jeu de mots.⁶ — Sire! j'ai laissé toute l'armée depuis les chefs jusqu'au dernier soldat, sans exception, dans une crainte épouvantable, affrayante...⁷

---

¹ Вступил ли неприятель в город?

— Да, ваше величество, и в настоящую минуту Москва обращена в пепел. Я оставил ее объятую пламенем, ³⁰

² Я вижу, полковник, по всему, что происходит, что Провидение требует от нас больших жертв... Я готов покориться Его воле; но скажите мне, Мишо, как оставили вы армию, покидавшую без битвы мою древнюю столицу? Не заметили ли вы в ней упадка духа?

³ [всемилостного повелителя,]

⁴ Государь, позвольте ли вы мне говорить откровенно, как подобает прямому воину?

— Полковник, я всегда этого требую.

⁵ Не скрывайте ничего, я непременно хочу знать всю истину.

⁶ [игры слов.]

⁷ Государь! Я оставил всю армию, начиная с начальников и до последнего солдата, без исключения, в великом, отчаянном страхе... ⁴⁰

— Comment ça? ¹ — строго нахмурившись, перебил государь. — Mes Russes se laisseront-ils abattre par le malheur... Jamais!.. ² — Этого только и ждал Мишо для вставления своей игры слов.

— Sire, — сказал он с почтительною игривостью выражения, — ils craignent seulement que Votre Majesté par bonté de coeur ne se laisse persuader de faire la paix. Ils brûlent de combattre, — говорил уполномоченный русского народа, — et de prouver à Votre Majesté par le sacrifice de leur vie, combien ils lui sont ¹⁰ dévoués... ³

— Ah! — успокоенно и с ласковым блеском глаз, сказал государь, ударяя по плечу Мишо. — Vous me tranquillisez, colonel. ⁴

Государь, опустив голову, молчал несколько времени.

— Eh bien, retournez à l'armée, ⁵ — сказал он, выпрямляясь во весь рост и с ласковым и величественным жестом обращаясь к Мишо, — et dites à nos braves, dites à tous mes bons sujets partout où vous passerez, que quand je n'aurais plus aucun soldat, je me mettrai, moi-même, à la tête de ma chère noblesse, de ²⁰ mes bons paysans et j'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de mon empire. Il m'en offre encore plus que mes ennemis ne pensent, ⁶ — говорил государь, все более и более воодушевляясь. — Mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la Divine Providence, ⁷ — сказал он, подняв свои прекрасные, кроткие и блестящие чувством глаза к небу, — que ma dinastie dût cesser de régner sur le trône de mes ancêtres, alors, après avoir épuisé tous les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croître la barbe jusqu'ici (государь показал рукой на половину груди), et j'irai

---

¹ Как, так?

² Мои русские могут ли пасть духом перед неудачей... Никогда!..

³ Государь, они боятся только того, чтобы ваше величество по доброте души своей не решились заключить мир. Они горят нетерпением снова драться и доказать вашему величеству жертвой своей жизни, на сколько они вам преданы!..

⁴ Вы меня успокаиваете, полковник.

⁵ Ну, так возвращайтесь к армии.

⁶ Скажите храбрецам нашим, скажите всем моим подданным, везде, где вы проедете, что когда у меня не будет больше ни одного солдата, я сам стану во главе моих любезных дворян и добрых мужиков, и истощу ⁴⁰ таким образом последние средства моего государства. Этих средств больше, нежели думают мои враги,

⁷ Но если бы предназначено было божественным провидением,